

СВЕТЛЯЧОК

16.09.2013

№9 (30) Сентябрь 2013 года

• Мелодии осени

Деревьев чаши золотые
Ещё полны вином листья,
Лишь ветры, бражники шальные,
Чуть отхлебнули до поры.
Ещё сентябрь юнцом беспечным
Дарует лету вечера.
И словно шаль, ласкают плечи
Лучи прощального тепла.
Ещё печаль листом багряным
Моей души не обожгла.
Ещё вольготно старым ранам.
И даль небесная светла.

Людмила Ефимова,
г. Торопец

ДОЖДЬ

Что со мной? Ничего.
Просто день за окном
Весь такой исключительно серый,
Сыплет мелким и скучным
Осенним дождём,
Не имеет ни срока, ни меры.
Что со мной? Ничего.
Это капли звенят
О стекло, не сумев приземлиться.
Просто я разлюбил,
А быть может, в меня
Ты ещё не успела влюбиться.

Валерий Линкевич,
г. Андреаполь

* * *

Вечер, зябко, страшновато.
Ветер рвётся в переулки.
Туча лапою косматой
Оборвать грозит прогулку.
Не касаясь, просто рядом,
Словно нам опять шестнадцать,
Мы идём по листопаду
В старых тайнах признаваться.
Дождь закрапает тревожно,
Запинаясь, обмирая.
Незаметно, осторожно
Наше прошлое стирает.
Через столько бурных ливней
Нас судьба раздельно мчала,
Из запутанности линий –
Снова к прежнему причалу.

Маргарита Петрова,
г. Андреаполь

АВГУСТ. ПИСЬМА.

Проходит лето вереницей писем,
пролёты дней звенящи и узки,
и загодя, сквозь сень июльских листьев,
прохладой осень дышит на виски.
Вновь под лампадой лампы мыслям тесно,
вновь обжигают крылья мотыльки.
Опять не сплю. Колышет занавеску
упругость ночи, веющей с реки.
Кому пишу молитв четверостишья?
Кому нужны звенящие слова
и бисерно исписанные листья,
что тихо опадают со стола?
Чернила сохнут, к острию сбегая,
из толщи ночи вспучилась заря...
Письмо ушло, меж пальцев оставляя
задумчивый постскриптум сентября.

Владимир Юринов,
г. Андреаполь

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

Ночи деревенские шастают над крышами
И шуршат под окнами позднею листвой.
Что-то показалось мне, вспомнилось, услышалось
В тишине таинственной, в синеве ночной.

Мир видений призрачный, лай Мухтара бешеный,
Луг, селеньем брошенный, серые поля...
Там за старой банею, где дожди навешаны,
Бродит ночь холодная тенью октября.

Шелести ты, ноченька, листьями осенними,
Согревай остывшую душу ты мою.
Верю, что дни юности будут не последними,
Прожитыми в северном сказочном краю.

Дмитрий Попов,
д. Жуково

* * *

Ночь в серебро затянута, в плаще тумана серого,
Спаси от настоящего, избавь от наваждения.
Рассыпаны, размазаны по небу звёзды-камешки.
Накрой меня забвением, спаси от настоящего.
Всё тихо, мир не движется, ни звука нет, ни отсвета,
И только я расхристанной стояла за околицей.
Лишь ветер зацеловывал волос черничных облако,
Лишь травы молчаливые ковром стелились под ноги.
Ночь кошкой сытой, мягкою свернулась на завалинке.
Как хочется пушистой стать, безмолвною и

маленькой.
Наталья Сергеева,
г. Нелидово

(продолжение, начало в №13(21) за 2012г., №1(22) - №8 (29) за 2013г.).

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.

1990

29.04.

Н. Бухарин. «Философия культурного филистёра». «Ах, Моська! Знать она сильна, что лает на слона». Бердяев уже потому прав, что он свободен. Это, во-первых. Во-вторых, начитанность конечно же важна в овладении культурой, но часто просто начитанность ведёт к тому, что Гераклит определял как многознайство, которое уму не научает. Бухарин начитан – Бердяев мудр и умён. В-третьих, Бухарин не заглядывает далеко, а потому и видит то немногое, что лежит под ногами: лучше – настоящее, хуже – прошлое, и почти не видит будущего. Бердяев же, может быть, хуже Бухарина разбирается в политических тонкостях (чаще просто интригах) настоящего, но у него за плечами богатый исторический и культурный опыт, позволяющий моделировать с достаточно высокой степенью вероятности будущее. Поэтому для нас он и сейчас не устарел и крайне интересен.

Впрочем, может быть, Бухарин, лукавил, издавая эту работу, и не был искренен, боялся высказать своё мнение. Ведь шёл 1935 год. Опыт, как говорил Аристотель, не может ничему научить. А у Бухарина богатейший партийный опыт, опыт партийных интриг, где каждый сам за себя, где никому нельзя доверять, где ставка – личная жизнь и карьера. Наверное, именно отсюда частая (полемиическая?) бестактность по отношению к Бердяеву у автора статьи, подмена убедительной объективной, по существу вопроса, аргументации политическими и идеологическими лозунгами и клише, демагогией. Вряд ли Бухарин понимал Бердяева: разные культуры, разный язык.

12.05.

Русская культура имеет длительную и богатейшую историю, но как культура, пытающаяся осознать самую себя, она рождается только в 19 веке.

27.05.

Посмотрел «Служили два товарища». Боже мой, почти восемьдесят лет длится на нашей земле это безумие. Сколько ещё надо крови и боли, чтобы одуматься и протрезветь?!

28.05.

История без филологии – не убедительна. А филология, в свою очередь, – одна из форм выражения исторического сознания. Надо серьёзно заниматься и тем и другим, и то и другое – не «дамские» романы, не чтение «на ночь».

12.06.

Д. Мережковский. Трилогия «Христос и Антихрист». Христианство – религия замученного на кресте Христа – это религия боли за человека, а в «Юлиане» и «Леонардо» – и фанатичного сумасшествия. Очень трудно понять: понял ли сам автор, где Христос, а где Антихрист: в образах Юлиана, Леонардо и Петра I есть много такого, что было присуще и Христу (в Петре I, может быть меньше, но, тем не менее) и, прежде всего, они более свободны, т.е. отчётливее понимают свою связанность необходимостью поступать так, а не иначе. Христиане же у Мережковского как-то неубедительны, нелепы и неумны, к тому же часто лукавы и жестоки без необходимости. Если и есть у них что-либо величественное – это обрядовая культура, впрочем, она выходит за рамки сугубо христианской культуры и в ней много элементов античной – языческой – обрядовости, которая – тоже лукавство – фактически отрицается, но где-то на подсознательном уровне усваивается и трансформируется.

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 2)

Как литератор-художник Мережковский не увлекает, но у него много, по-видимому, вставок из первоисточников, а это – интересно.

8.09.

Почему человека бросает от прекрасного к пошлomu и безобразному, а от них – снова к прекрасному? Может быть, он хочет получше рассмотреть себя в этих зеркалах?

5.11.

В этом государстве мы осуждены быть сторонними зрителями, и в этом же государстве мы обречены страдать более, чем кто-либо другой.

9.11.

Я ясно чувствую и осознаю, что серьёзно болен. И это – с детства. Одиночество и уют. Боюсь – единственное, чего боюсь, – чтобы это не передалось близким мне людям. Поэтому иногда приходится играть, улыбаться, быть здоровым человеком. Но как мучительно оставаться наедине с собой. Будто что-то давно оборвалось. И с этим жить. Излечимо ли это? Боже мой! Какая пустота!

20.11.

То, что сейчас происходит в стране и со страной и народом, – всё это не то, и не так. Раздробись, разорвись и обособься мы на мелкие удельные территории, и мы перестанем быть великим народом. Мы утратим чувство пространства и времени, чувство свободы, воли. Мы утратим свою душу – русскость. Русь процветала только во времена монолитности, единения всех своих краёв, городов и весей. И никогда раздробленность не шла ей впрок. Разбежимся – растащат по кусочкам, не за понюшку.

24.11.

До сих пор не понимаю, почему в человеке уважают не самого человека, а то, какое место он занимает в иерархической лестнице власти, у властной кормушки. Стало быть, модернизм не столь уж и беспочвенен: отчуждение людей друг от друга и замена – точнее, подмена – людей функционирующими моделями их поразительна.

26.11.

Читаю и перечитываю Есенина. Наш Миргород, действительно, железный. И не собирается меняться.

26.12.

Когда одна из «тварей дрожащих» сказала: «Человек – мера вещей», – Солнце Мира дрогнуло и двинулось на закат.

28.12.

Вот и Новый год на носу; а в душе, как в заколоченном доме, – пусто и холодно. «Что день грядущий нам готовит?..»

1991

24.02.

Бог дал нам Душу, Дьявол – Знание. Вся история человечества – попытка примирить ум с сердцем, демоническое с божественным.

PS. Сумасшедших часто называют беснующимися, бес в них вселился, то есть; а просто глупых, неумных, но добрых, безобидных, юродивых – людьми Божьими (Боженька их любит) – так, видимо, проявляются в сознании народов культурно-исторические архетипы.

25.02.

На улице дождь, слякоть. Горьковатый запах леса. Трудно поверить, что ещё февраль, пусть и его конец. Не ко времени всё это – жди морозов и метелей. Знать не только в человеческом мире лихорадит, но и в природе нет гармонии. Всё случайно; всё течёт, изменяется, всё неподвластно логике.

13.03.

Принимаю крест Твой, Боже! Но дай сил не ожесточиться, не повернуться спиной к Лику Твоему, к ликам созданных Тобою по подобию Твоему и таких непохожих на Тебя! Всесилен ли Ты, Боже?!

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 2-3).

18.03.

Очень остро чувствую дискомфорт в душе. Преобладающее чувство дискомфорта с налётом фатализма. Что за ерунда? Не вешаться же? Мерзко всё это и унижительно.

20.03.

Мне кажется, что надо бросать универ. Этот разброс: школа – универ, универ – школа – кроме утомления, ничего пугного не даёт. Всё равно, всходит лишь то, что посеяно вовремя и в меру.

23.03.

Вся жизнь, все отношения людей друг с другом – только иллюзия благополучия. Человек признаёт человека – за редким исключением – только исходя из его места в определённое время в иерархии моральных норм и ценностей (которые достаточно условны и относительно устойчивы). Стоит «я» выйти из границ этих норм и ценностей и оценка его другими «я» меняется, часто на противоположную. Даже среди близких людей тебя принимают не как самоценную личность, а как носителя определённых, признанных качеств. Причём любые другие качества табуированы. Здесь как раз богатая почва для конформизма. И это, кстати, для большинства не секрет, но все стараются не замечать эту ущербную мораль раба. Привычка к приятию догматов и буквальное следование им – так проще! – самая устойчивая в человеческом сознании. Как знать, может быть, это начало вырождения человека, своеобразный духовный иммунодефицит. Побольше себя. Двойник – только в зеркале, не более.

24.03.

Вера зиждется не на разумных основаниях, а на обострённости чувств, на обнажённости нервов души. В 20 же веке мы притупили чувства благоговением перед рациональным знанием, а в основу нашей духовной организации заложили слишком разумные основания. Теперь же, после 70-ти лет безверия, трудно будет найти душе, разъеденной скепсисом и рациональными амбициями, веру. Но находить нужно. Иначе – тупик.

28.03.

Чем выше поднимается человек по лесенке духа и интеллекта, тем острее он испытывает жажду религиозности, точнее – веры. Весь вопрос в том, какую выбрать. Ведь атеизм – это тоже религия, тоже вера.

Уже третий год бьюсь головой в стенку. Но стенка не каменная, а резиновая: и лоб не разбит, и стенка – цела.

14.04.

Я хочу, чтобы меня принимали таким, каков я есть; со всеми моими плюсами и минусами. На меньшее я не согласен, а большего мне не нужно.

30.04.

Безбожником с лёгкостью становится тот, чьи устремления и помыслы направлены на день настоящий.

3.09.

Как знать? Может быть, вопрос о существовании Бога и не самый важный. Важно понять: какова необходимость человека в вере, т.е., что есть Вера для человека.

3.12.

Прошёл ноябрь – самый страшный в моей жизни месяц. Никогда ещё я не был так беспомощен и беззащитен и так... мерзок самому себе. Ненавижу в себе свою апатию и вымученную весёлость. Выругаться, что ли? Но – этикет! Моральное лицемерие как благо: уже в этом есть изъясн. Но свободен тот, кто умеет держать себя в узде. А я пытаюсь сбросить узду. Ну не дурак ли я?

(продолжение следует).

• Гости клуба

Валентин Штубов

г. Нелидово

Подведены итоги
конкурса на соискание
региональной премии
имени Николая Гумилева.

Имя лауреата было названо 16 июля на заседании Правительства Тверской области. Им стал наш земляк, поэт, член Тверского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России» Валентин Штубов.

САМОВАР

Добрый согреваемый раздумьем,
Где-то есть забытый тот мирок,
Где мой деда старенький не умер,
А сидит и пьёт со мной чаёк.

Самовар по-новому вскипает,
Будто бы за тридевять земель
Комаром он тонко начинает,
А потом басит, как вешний шмель.

Он от нас как будто независим,
Но всегда поддержит разговор;
И полна беседа высшим смыслом,
Как духмяным запахом простор.

Ох, как жалко, что она прервётся,
Что остынет жаркая вода,
Ох, как больно, что закроет солнце
Расставанья туча навсегда.

Как понять простую из загадок,
Что знакомый вроде слышу звук:
То комар звенит. А чай не сладок:
Не из тех он мне предложен рук.

9 мая 1986 г.

В СЕМЬ ВЕЧЕРА

В семь вечера пощипывал мороз
И щёки, и нечаянные мысли;
Качался в вёдрах свет на коромысле—
Я очень осторожно блики нёс.

А донесу ли? Месяц как вопрос
Вот эту фразу на пути докончил;
Мороз вовсю же царствовал над ночью,
И в вёдра уронил немало звёзд.

И всё же я вселенную донёс,
В сенях её тихонечко поставил,

Потом у печки пламенно оттаял,
А иней на ресницах вроде слёз—
Скатился с щёк. И эти вот слова —
Свидетельство: Вселенная жива.

14 июня 2007 года

СТАРЫЕ ПОРТРЕТЫ

Передо мною— старые портреты:
Вот я у хаты срубленной стою,
Малыш, не ощутив себя поэтом,
Лозовую тростинку тереблю.

Вот я стою под старую берёзой;
Качают птицы вешние верхи.
Я сок её отпил, я нетверёзый;
И зреют на губах мои стихи.

Вернуться бы — как время пролетело! —
В портреты те, и детство ощутить.
Я взрослым стал... Да нет, не в этом дело...
За это не сумел себя простить.

Вернуться бы! Щекой прижаться к маме
И прошептать, как прежде, в старый год:
— Прости меня, — недетскими губами.
Но мамы нет; и я уже не тот.

17 марта 2012 г.

РУБЦОВ В ТОТЬМЕ

Сидел в избе, закутавшись в пальто
И спрятав ноги в рваные опорки;
И на столе черствели хлеба корки,
Но было много выпито зато.

Был за окном холмистый уголок,
Но, к сожаленью, не совсем лесистый;
И ветер сатанинским диким свистом
Метелью даже это заволок.

И ветру подвывали провода,
Неся в себе недобрые известья;
И сердце снова было не на месте;
И так знобило... впрочем, как всегда.

Не о стихах была пока что речь,
А только мысль: «Как бы в живых остаться?»
... О, кто б вошёл и растопил бы печь!
А самому-то было не подняться.

НОЧЬ С МЕСЯЦЕМ

Ночь с месяцем, как будто чай с лимоном.
Ах, как она по-летнему тепла!
Пьёшь воздух, и блаженствуешь бессонно,
И забываешь глупые дела.

15 февраля 2011 г.

Когда номер был свёрстан, пришла скорбная
весть: 30 августа Валентина Штубова не стало.

● Пьянству бой!

В мае в г.Нелидово прошёл региональный фестиваль «Пьянству – бой, творчеству – дорогу!», организованный Ржевской епархией Русской Православной Церкви. Рассказ Н. Сергеевой и стихотворение М.Петровой, опубликованные ниже, были на нём представлены.

МИЛЫЙ ДЕДУШКА

Милый дедушка, забери меня отсюда. Сил моих терпеть больше нет. С тех пор, как ты уехал, мама каждый день пьяная. И есть нам совсем нечего. Вчера ходил к соседке, она насыпала нам сырой картошки. Наварил себе и сёстрам. Чуть-чуть оставили на завтра. А вечером пришли гости и всю её съели. Я хотел отобрать, кинулся на них, но они меня отшвырнули. Теперь синяк на пол лица. Решил, в школу не пойду. Лучше металл поищу, сдам, хоть на хлеб. А то сестрам на завтрак отдал последний кусок и малой ещё немного нажевал. Крупы то ей на кашу совсем нет. Голодная, все время плачет. А мамка дает ей водки, и тогда сестренка спит почти сутки...

Вчера украл у тети Кати бочку и сдал. Купил молока, хлеба, крупы. К маме гости не приходили. Она трезвая совсем, но очень злая. Кричит на нас все время и дерется...

Дедушка, милый надоело мне тут. Мама разбудила среди ночи и просила денег: то ругалась, то плакала, потом на колени вставала. Отдал то, что осталось с металла. Мама взяла все деньги и ушла. Дома холодно. Дров нет, печку не топили уже три дня. Пойду на раму, может хоть обрезков дадут, а то замёрзнем....

В старом хлеву нашёл в мешке остатки комбикорма. Сырыми обрезками натопил печку и сварил кашу. Наелись все. Было почти так же хорошо, как когда ты жил с нами...

Сегодня помогал на пилораме. Заплатили немного денег. А вечером пришла мама с гостями. Они съели наш ужин, забрали все деньги. Ещё и меня избивали, хорошо хоть сестры успели убежать. Голова болит, а во рту вкус крови. Потом мама уснула прямо за столом...

Любимый мой, дорогой дедушка. Я ведь помню совсем другие времена. Когда мама всегда была трезвой и веселой. Готовила каждый день кушать, любила нас и обнимала. У нас были праздники, дни рождения и очень хорошая жизнь. Я хочу попросить тебя, дедушка. Знаю, ведь ты можешь все на свете. Нам не надо ни подарков, ни сладостей, ничего не надо. Пусть только мама больше не пьет. И любит нас, как раньше.

Твой внук Ванька Жуков, 21 век.
Наталья Сергеева

НА КРАЮ

На горлышко пивной бутылки
Усевшись с краю осторожно,
Зелёный, маленький, постылый
Он корчил пакостные рожи.

С нечеловеческой сноровкой,
Коль больше не на что напиться,
Он в руки мне совал верёвку
Иль к проруби тянул топиться.

Спаси меня, мой Ангел светлый,
Ты видишь, я дошёл до края.
В пороке этом беспросветном
Я думать позабыл о рае.

Чуть поддержи. Мне б только руку
Поднять ко лбу в крестном знаменье
И прекратить бы эту муку,
Церковное услышав пенье.

Я грязен, грешен, недостоин,
И тьма вокруг меня вихрится.
Часами на коленях стоя,
Я стану истово молиться.

Я 20 дней в глухом запое
И позабыл родные лица.
Усилье б сделать над собою,
Мне б в первый раз перекреститься.

Мargarита Петрова

ПОХМЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ

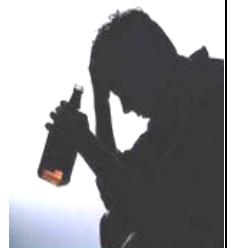
Не дрожи в руке, стакан,
Не трясись, закуска,
Я пока совсем не пьян,
Только вижу узко.

В голове мозги кипят,
Сердце трепыхается,
И готов я прямо в ад
Сей же час отправиться.

Вмиг прошиб цыганский пот,
В организме – тряска,
Так и думаешь: вот – вот
Ты загнёшь салазки.

Но спасительный стакан
Организм подлечит,-
Я пока ещё не пьян,
И ещё не вечер!..

Валерий Осипов

•Листая старую тетрадь

Михаил Андреев

Эти стихи обнаружались в библиотечной папке с пометками о публикациях в андреапольской районной газете в конце 80-х, начале 90-х годов. Сведений об

авторе отыскать не удалось. Публикуем их в надежде найти его след.

СЕНОКОС

Травы бьют поклоны-
Тяжелы от рос.
Мы в краю зеленом –
Лето. Сенокос.
Льется на прокосы
Мягкий свет зари.
Подправляют косы
Звонко косари.
Ветерок игриво
Шевельнул бурьян,
Конь забрел по гриву
В луговой туман.
Ивы горько, горько
Плачут о своем...
Но играет зорькой
Неба окаем.

1984 г.

КРАПИВА

Мальчишкой был я очень дерзок -
Самоуверенный щенок,
В суждениях и спорах резок,
А слез вообще терпеть не мог.
...Крапива ноги жгла босые,
Но зубы сжаты - я не трус!
О, славы той лучи косые,
Победы сладковатой вкус!
...Я в жизни шел, углы срезая,
Бил сам и битым был под час.
Шел напролом, друзей теряя,
И сам потерян был не раз.
И жизни правила стальные
С меня стряхнули все же спесь -
Я позже понял, что иные
У храбрости мерила есть.
Но если было так тоскливо,
Иль больно очень, не таю, -
Я вспоминал тебя, крапива,
Победу первую мою.

1981 г.

НОСТАЛЬГИЯ

Расходилась память, не уймешь,
Возвращает к дальнему, родному...
Ты меня, конечно, не поймешь,
Если не живал вдали от дома.

И не знал ты, значит, никогда
(Где тебе, оседлому такому!)
Что проносят люди сквозь года
Искорку любви к родному дому.

Там в окошке свет сейчас горит,
За стеною лает пес без толку.
Тихо мать со вздохом говорит:
«Что-то сын домой не едет долго».

Срок придет - и я вернусь домой,
Со щеки слезу смахну невольно,
Только ты не смейся надо мной –
Мне и так сегодня очень больно.

ЛОСЬ

Лай собак и картечи смертельный навес...
Был он на поле, как на ладони —
По широкому полю в спасительный лес
Уходил старый лось от погони.

Лось был стар и врагов повидал на веку –
Для него это было не ново,
Но сейчас со смертельной раной в боку
Уходил он от стада родного.

Вот и лес - зверь рванулся к нему и пропал,
А когда свора гончих отстала,
Он, хрипя, тяжело на колени упал
И в траву повалился устало.

И блестела на листьях роса, что слеза,
Птичий гомон ему посвящался... Но печально
смотрели большие глаза –
Старый лось тихо с жизнью прощался.

Затянула глаза пелена, как слюда...
И, глотая соленые слезы,
Рядом плакал парнишка, забредший сюда,
Изломавший ружье о березу.

Часто - часто виденье встает предо мной:
Где деревья шумят великаны,
Там, в высокой траве под могучей сосной,
Дикий зверь умирает от раны...

1986 г.

• Встречи

В конце августа наш город посетил вологодский писатель Геннадий Сазонов. В Центральной библиотеке состоялась его встреча с читателями.

Автор родился в 1950 году в Тверской области в семье железнодорожника. Наши края для Геннадия Алексеевича не чужие. Его отец родом из деревни Кремено, что под Андреаполем. В нашем городе проживает его двоюродная сестра Нина Владимировна Соламес.

С 1987 года он живёт и работает в Вологде. Им написано более двадцати книг прозы, публицистики и поэзии.

В 2011 году за повести «Нелидовский коридор» и «Ярче легенды» удостоен звания лауреата литературно-художественной премии «Золотой венец Победы» (Москва). В 2012 году стал лауреатом премии «Слово к народу». В центре внимания писателя - нравственное состояние героев, поиски добра и справедливости. Его стиль отличает простота, искренность, доверительность. Впрочем, прочтите его рассказы сами.

Геннадий Сазонов**БЕРЕСТИНКИ**

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

ЗНАК ОТВЕРЖЕНИЯ

Хмурость осенняя подавляла. У людей, спешащих по своим делам, были скучные, неприветливые лица.

В такой день брела по тротуару женщина-нищенка. Одета она была кое-как, но весьма выразительно: в ватнике, накинутом поверх то ли плаща, то ли платья, в валенках, через плечо - сумка.

Нищенка вертела головой то влево, то вправо - она искала пустые бутылки. Возле урны с мусором женщина остановилась и принялась там рыться. Желанной бутылки, похоже, она не нашла и потопала дальше вдоль низкого металлического забора - к нему частные владельцы ставили автомобили.

Рядом с одной из машин стоял здоровенный круглолицый детина и тянул прямо из бутылки пиво. Заметив это, нищенка ускорила шаг, а когда поравнялась с пьющим, то просительно взглянула на него.

Любитель пива принял вид, будто не заметил женщину. Смачно сделав последний глоток, он небрежно швырнул бутылку в сторону нищенки. Она даже изогнулась, приготовившись поймать пустую посуду, но бутылка ударилась о столбик забора и разлетелась на осколки, брызнувшие прямо под ноги нищенке.

Детина радостно заржал. Что его обрадовало?

То, что он унизил уже униженного человека?

Ему, наверное, не пришло в голову, что он, смеющийся и как бы счастливый владелец иномарки, был в тот момент гораздо несчастнее бедной женщины. На нём лежал знак Божьего отвержения - он потерял способность сочувствовать и помогать другому человеку.

Страшное наказание!

Ничего страшнее, думаю, быть не может.

ХЛОПНУЛ ДВЕРЦЕЙ

Да, это своего рода искусство - по-настоящему истопить деревянную баню. Сколько надо знать всяких «мелочей» и точно исполнять их! Вот, к слову, самая главная из них - так поддерживать огонь в печи, чтобы он не давал прогорать дровам до углей, равномерно нагревал камни в самой каменке, создавал полноценный жар во всей бане. И, конечно, чтобы не было «дурковатого дыма» - угарного запаха, которым недолго и отравиться.

Баня готова! Какая радость разомлеть на парном лежаке, вознесенном под потолок, вдыхать аромат березовых листьев с опущенного в кипяток веника.

Благодать Божья!

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр.8).

В тот раз, несмотря на то, что топку я тщательно вычистил, печь разгоралась плохо. Не знаю, почему. Огонь едва схватывался, облизывал ольховые поленья, а потом ослабевал, дрова тлели, а не горели. Кое-как все же удалось растопить баню. Загудела весело печь, густой дым повалил из трубы.

Довольный, я сильно хлопнул металлической дверцей, как бы тем самым выместил обиду на печь из-за того, что она долго разгоралась. Вдруг, что такое? Гул в топке мгновенно затих.

Я открыл дверцу и был потрясен: никакого пламени, все потухло. Вот те раз! Железное железо, подумал я, а тоже не любит грубого обращения, прекратило всякую работу; печь как бы проговорила: «Ласково надо со мной, ласково!».

Что делать? Пришлось ещё раз растоплять. Я надолго запомнил печной урок, теперь уже не хлопаю в сердцах дверцей. И с печкой нет проблем.

Если «мёртвое» железо требует к себе бережного отношения, то уж что говорить о живой душе! Увы, в реальности все наоборот. На неё, живую душу, льют потоки брани, угроз, хамства, оскорблений.

НЕПОКОРНОЕ РУСЛО

Говорливая речушка, вытекая из ближайшего перелеска, огибала поле, потом опять пропадала в душистых зарослях густой дикой смородины. Старожилы вспоминали, что в далекие годы источник был полноводным - в омутках в жару купались деревенские ребятишки, там и рыба водилась. Через речушку был построен деревянный мост, чтобы проезжать на широкое поле, на хутора за полем, где жила не одна семья крестьянская.

Никто точно теперь не знает, почему хорошая лесная речка превратилась в заурядный ручей. Но, думаю, причина всему - человек, вернее - его грубое отношение к живой природе. Не стал заботиться о небольших платинах, что поднимали речной сток, не стал чистить берега от валежника и мусора.

А ныне появился на скромном берегу речушки «новый человек» - хозяин поля. Вылез из кабины заграничного трактора, встал в размышлении, как проехать на поле - моста деревянного и в помине нет. Опустил широкую железную лопату на тракторе, и давай с остервенением и злостью закапывать речное русло. Нагреб прибрежной земли - и в речку, и опять катит земляную кучу, как снежный ком, туда же.

Завалил русло! Счастлив безмерно. Стоял, улыбаясь во весь рот. И вслед за его улыбкой тяжелые машины покатали на ту сторону, приминая русло, отпевая ему моторами похоронный марш.

После весеннего половодья я пришел сюда, и увидел маленькое чудо. Речушка развернула бетонную плиту, пробила утоптаный тракторами слой грунта, и, весело болтая на своем языке, текла среди смородины, будто ничего и не было. Приехавшие пахать трактористы, разъярённые таким поведением речушки, снова с ожесточением засыпали русло, расширили площадь засыпки. Но, как оказалось, ненадолго. В сильные летние дожди речушка опять восстановила свое русло.

Нечто подобное происходит и в народной жизни! Сколько «доброжелателей» всех мастей с тупой ненавистью крушат и засыпают всяким хламом её вековое русло! Они, эти корчеватели, шлют за океан радостные телеграммы: «С Россией покончено!».

И сами уже упаковывают чемоданы, набитые добром, нажитым на народной крови и народных несчастьях. Но поторопились вы с похоронами, «господа хорошие». Русло народной жизни пробивает себе дорогу сквозь ваш гнилой капитализм и «суверенную демократию» для избранных. Поток народной стихии не остановить, он грядёт, как весенний разлив, омывающий землю от грязи и нечистот.

Владимир Юринов

На картах не значитсЯ

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Тем временем под Экимчаном обнаружили место падения Ту-95. «Специзделия» нашли и благополучно эвакуировали. Останки экипажа перевезли на родной аэродром. Комиссия по расследованию лётных происшествий приступила к работе. Замминистра, напоследок ещё слегка пошинковав местное командование, убыл в Москву. Пришла пора подумать и о стоящем в чистом поле Ан-12.

О немедленной эвакуации самолёта речи не могло идти в принципе. Её Величество Грязь была решительно против. Надо было ждать морозов.

Первым делом возле незадачливого самолёта выставили пост. Ну просто, чтобы было что в дальнейшем эвакуировать. Сначала для смены часового караульная машина всякий раз гоняла от караулки через весь аэродром до конца ВПП, потом ещё два километра от ВПП до шоссе и потом ещё столько же по шоссе – до торчащего, как перст, в поле, в ста метрах от дороги, Ан-12. Разводящий с караульным высаживались из машины и, меся сапогами грязь, пробирались к самолёту, где и происходила смена. После чего караул пускался в обратный путь. Получалось муторно и долго.

Поэтому вскоре привезли и поставили возле дороги, напротив Ан-12, вагончик, куда и переместился весь состав караула. Теперь караульная машина ходила к новому объекту только три раза в сутки – привозила завтрак, обед и ужин; вместе с ужином прибывала и новая смена караула. Для обогрева личного состава в вагончике установили печь. Неподалёку возвели дощатую кабинку туалета. Для освещения охраняемого объекта с аэродрома протянули кабель. На самолёт накинули маскировочную сеть. Местность начала приобретать обжитой вид.

Сам самолёт тем временем решили поднять из грязи на домкратах. Для обеспечения подъезда к самолёту автотехники, от шоссе к нему щебнем отсыпали дорогу, а вблизи самолёта из стандартных элементов металлического аэродромного настила выложили площадку, достаточную для стоянки нескольких грузовых автомобилей. Вокруг Ан-12 закипела работа.

Местные аграрии отнеслись к проблемам авиаторов с пониманием. Поначалу они просто подъезжали на своих тракторах к пленённому грязью самолёту, беседовали с личным составом на высокие темы, сочувственно цокали языками и вдумчиво курили, щуря глаз на закатный горизонт. Потом, видимо осознав, что караулу один хрен куковать здесь всю ночь, а гонять трактора всякий вечер до центральной усадьбы, а утром обратно – накладно, они стали оставлять свою сельхозтехнику, ну, нельзя сказать, чтоб под охраной, но – в зоне прямой видимости человека с ружьём.

Затем – что логично! – колхозники разбили возле стоянки своей техники небольшой полевой стан, где обедали, отдыхали и даже забивали послеобеденного «козла» с видом на копошащихся возле самолёта военных. Неожиданно открывшуюся тягу аграриев к авиации можно было бы, конечно, объяснить тем, что у авиаторов во все времена водился спирт, но не будем, не будем думать о людях плохо.

Тем временем Ан-12, подняв на домкратах, извлекли из грязи. И тут выяснилось, что аварийная посадка всё-таки не обошлась без некоторого урона для авиатехники – были выявлены небольшие повреждения шасси, которые, естественно, необходимо было оперативно устранить. За дело взялись инженеры, для чего с аэродрома привезли и поставили рядом с самолётом ещё два вагончика.

Теперь многие военнослужащие гарнизона Украинка, жившие непосредственно в Серышево, ехали утром не на аэродром, а прямо сюда – к Ан-12. Ехали к Ан-12 и аграрии. Ехали в гости к

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

аграриям их друзья и подруги. В кассе автостанции уже совершенно спокойно можно было купить билет «до самолёта». К месту большого скопления людей естественным образом потянулись бабульки с пирожками и семечками. Серышевские пацаны целыми стайками наезжали на велосипедах из города за впечатлениями.

Спустя две недели лагерь возле Ан-12 выглядел так, как будто стоял здесь испокон веков. Особенно радостно он смотрелся ближе к вечеру: сияли прожектора, возле самолёта гудели агрегаты и работали двигатели машин – там кипела работа; из труб вагончиков вырывались искры и весёлый дымок; под навесом азартно кричали и щёлкали костяшками домино колхозники. Слышался жизнерадостный женский смех. Пахло выхлопными газами машин, борщом и туалетом. Откуда-то неслась ритмичная музыка. Для полноты впечатлений не хватало разве что киоска с мороженым и танцплощадки.

И вдруг всё закончилось. Ударили морозы, в одночасье сковав грунт и превратив грязь в камень. Инженеры, быстро закончив свою работу, свернулись и уехали. Потирая опухшие от «козла» ладони, угнали свои сельхозмеханизмы аграрии. Прибывший на борт Ан-12 экипаж запустил двигатели и, развернув самолёт, спокойно взлетел с превратившейся в бетонную площадку топи. Разворачиваясь, самолёт сдул колхозный навес и разметал мусор, скопившийся за две недели вокруг человеческого стойбища.

Последним увезли караульный вагончик. Место окончательно опустело. И только дощатая кабинка забытого туалета ещё долго торчала в чистом поле, напоминая о прошедших событиях старожилам и вызывая недоумённые вопросы у проезжающих по дороге новичков.

На фоне этой забытой кабинки, как логическое завершение разговора об особенностях местного грунта, мне думается, будет вполне уместно небольшое и совершенно нелирическое отступление, уж извините...

О ТУАЛетаХ

Заранее прошу прощения за мой французский, но знает ли уважаемый читатель, что такое «сортир»? Наверняка, знает. А знает ли уважаемый читатель, что такое сортир в условиях вечной мерзлоты? А вот это, я полагаю, – вряд ли. Поэтому поясню.

Как известно, основной частью стандартной латрины является выгребная яма. Поэтому в условиях вечной мерзлоты, где рытьё любой ямы связано с практически непреодолимыми трудностями, сооружение сортира превращается в непростую в инженерном отношении задачу. Однако нет ничего неразрешимого для пытливого человеческого ума.

В краях, где нет возможности выкопать под отхожим местом яму, а к этим краям, безусловно, относилась и Орловка, проблему просто переворачивали с ног на голову, и эту самую яму направляли... вверх. То есть в требуемом месте сбивали из досок ящик высотой в полтора-два метра, наверху которого уже и устанавливали заветную будочку. К дверце будочки подводили лесенку и – пожалуйста, нужник готов! По заполнению ямы, в смысле, ящика, кабинку просто снимали и переносили на другой ящик, сооружённый неподалёку. А заполненный ящик обильно засыпали землёй, оставляя сей курган в качестве места приложения сил грядущим поколениям археологов.

В трудных случаях, когда перенести туалет на другое место представлялось делом невозможным, например на ограниченной территории служебной зоны, поступали по-другому – сложнее, но рациональней: ящик элементарно надстраивали, приподнимая таким образом всё сооружение ещё на полтора-два метра. Соответственно, удлиняли и ведущую к дверям лестницу. Исходя из этого, возраст туалета было довольно легко определить по его высоте. Из кабинки наиболее пожилых сооружений посетители имели возможность озирая окрестности с высоты второго, а иногда и третьего этажа.

Конечно, восхождение на такую высоту требовало от страждущих неплохих физических кондиций, а в зимних условиях – и достаточной альпинистской подготовки, но, как говорится, не боги горшки обжигают. Тем более что желанья или, я бы даже сказал, стремления к восхождению у всех посетителей было в избытке. Зато обратный спуск облегчённого посетителя был лёгок, а порой и неожиданно скор.

(продолжение на стр.12)

(начало на стр.10-11).

Ещё одной отличительной чертой здешних туалетов была скоротечность их посещения в зимний период. Речь идёт, разумеется, о времени непосредственного использования кабинки, без учёта процессов подъёма и спуска. Порой, в период наибольших морозов, это время вообще составляло отрицательную величину. То есть страждущий начинал процесс расстёгивания и рассупонивания ещё на лестнице, и дверь нужника даже не успевала полностью закрыться за посетителем, как он уже выходил назад и бодро сыпался вниз, на ходу приводя в порядок свою амуницию. Объяснялась эта странность особенностью аэродинамики данных высотных сооружений. Если конструкция обычных, наземных, латрин защищает посетителя уж если не от мороза, то, во всяком случае, от ветра, то высотные нужники такого свойства были напрочь лишены. Наоборот, гуляющий на высоте ветер, облетев ретирадное место со всех сторон, находил наконец достойное своему размаху отверстие и всей своей нерастроченной силой устремлялся в него, то есть дул мощно и конкретно снизу вверх в сортирное «очко».

По этой самой причине и столь естественный процесс бросания использованной бумажки в отверстие нужника – да простит мне щепетильный читатель столь пикантные подробности! – превращался в туалетных «небоскрёбах» в забавный и непредсказуемый по своим последствиям процесс. О всех сложностях и побочных эффектах этого процесса красноречиво говорили многочисленные бумажки, празднично белеющие на стенах и даже на потолке сортирного помещения.

На этом можно было бы и закрыть щекотливую туалетную тему, но тогда настоящая глава оказалась бы непропорционально короткой по сравнению с другими. Посему я, в дополнение к вышеизложенному, расскажу одну небольшую и, на мой взгляд, достаточно забавную историю, которая, с одной стороны, отвечает обозначенной туалетной теме, а с другой, – выглядит вполне поучительной в бытовом, житейском плане. Опять же, история эта, по моему разумению, целиком и полностью попадает в общий контекст повествования, ибо произойти она могла только в глухом военном гарнизоне и только в период застоя расцвета или же, если будет угодно, расцвета застоя эпохи развитого социализма.

ИТАК, ИСТОРИЯ...

Однажды, как говорил классик, в суровую зимнюю пору, в одной из пятиэтажек гарнизона, в одном из подъездов, а конкретно – в крайнем справа, если стоять к фасаду дома лицом, в одном из стояков забила магистральная фановая труба. Такое порой случается в домах, где жители не отличаются высокой культурой поведения и охотно используют канализацию для утилизации мелкого бытового мусора, начиная от картофельных очисток и заканчивая рваными носками и битым бутылочным стеклом. О том, что конкретно на этот раз послужило причиной пробки в фановой трубе, история умалчивает. Да это, собственно, и неважно. Важен сам факт. Факт закупоривания.

Произошла сия неприятность в пятницу вечером.

Как уже, наверняка, подмечал наблюдательный читатель, все бытовые неприятности в нашей жизни обычно происходят накануне выходных, когда всякий гражданин в предчувствии заслуженного отдыха предпразднично расслаблен, коммунальные службы закрыты до понедельника, а все нужные начальники законно отсутствуют на своих рабочих местах, то есть тогда, когда человек слаб, и «...силы зла властвуют безраздельно». Эта закономерность, на мой взгляд, является одним из прямых проявлений глобального Закона Подлости, довлеющего над нашим миром и призванного максимально усложнить и без того вполне скорбную человеческую юдоль.

Но вернёмся к нашей фановой трубе. Закупорилась она где-то на подвальном уровне, и спустя некоторое количество времени содержимое её начало неуклонно поступать в унитаз квартиры, расположенной на первом этаже. «В соответствии с Законом сообщающихся сосудов!» – воскликнет эрудированный читатель и будет, конечно же, прав. Именно в полном соответствии с этим незыблемым законом гидродинамики, содержимое фановой трубы и изливалось через край унитаза в квартире на первом этаже.

Хозяин данной квартиры, капитан П., вернувшись с работы, сначала уловил некий не вполне приятный запах, а потом уже, включив свет, и визуально обнаружил резво сочащуюся из-под дверей туалета неприятность. Капитан П. не растерялся. Он имел инженерное образование и сразу понял, чем вызвано неожиданное наводнение. Более того, он понял, что причина канализационного катаклизма находится за пределами его квартиры. Он, как и эрудированный читатель, был прекрасно знаком с гидродинамикой вообще и с Законом сообщающихся сосудов в частности. И

(продолжение на стр.13).

(начало на стр. 10-12).

капитан П. рванул вверх по этажам. Он звонил и тарабанил в двери и просил, умолял проживающих выше по стояку жильцов временно воздержаться от пользования туалетом. «Да-да, конечно!..» – соглашались потревоженные жильцы и сочувственно кивали, сопереживая горю потерпевшего. Заручившись поддержкой соседей, капитан П. помчался на поиски сантехников. Я напомним – был вечер пятницы. На дверях жилконторы красовался замок. Ни один из телефонов коммунальщиков не отвечал на требовательные звонки «тонущего» жильца. Но капитан П. был настойчив и целеустремлён, и в конце концов, уже где-то ближе к полуночи, ему удалось отыскать одного из служителей разводного ключа и вантуза. Увы, специалист этот – печально известный в гарнизоне Пахомыч – хотя и был означен в графике, вывешенном на дверях жилконторы, как «дежурный сантехник», уже успел отпраздновать завершение трудовой недели и находился в том аморфно-расслабленном состоянии, когда его самого можно было совершенно спокойно использовать в качестве затычки для трубы подходящего диаметра. Капитан П. понял, что остался со своей бедой один на один.

Всю ночь капитан П. безуспешно боролся с засором и устранял последствия «наводнения». А утром жильцы вышерасположенных квартир проснулись и... пошли в туалет. Из унитаза капитана П. хлынуло. Несчастный жилец заметался и вновь кинулся по соседям. «Да-да, конечно!..» – говорили верхние жильцы, но уже не так сочувственно. Была суббота – банно-прачечный день – и у всех в планах была помывка, стирка, уборка да и, вообще, разнообразная бытовая канитель. А тут этот П. со своим засором. Никто вроде бы и не отказал потерпевшему, но капитан П. видел, что в канализацию, а следовательно, и в его квартиру продолжает прибывать. Сначала П. просил, потом требовал, затем угрожал. Верхние жильцы кивали всё менее сочувственно, а старший лейтенант К. с пятого этажа, у которого было двое малолетних детей, в конце концов и вовсе открыто заявил, что ему – «до лампочки», что у него, мол, дети, мальчик и мальчик, и что не будет же он, в самом деле, с каждым горшком бегать со своего пятого этажа на улицу, на мороз...

Да-да, уважаемый читатель, гуманизм, он, конечно, и в Африке гуманизм, но, как справедливо заметил наш мудрый народ, – своя рубашка, она, безусловно, гораздо ближе к телу.

«Ах, так?!..» – воскликнул озверевший от вони, бессонной ночи и человеческой чёрствости капитан П. и, соорудив из тряпок могучий квац, наглухо закупорил им свой унитаз. По принципу: «ни себе, ни людям».

Как уже, наверняка, догадался грамотный читатель, буквально через пару часов история с «наводнением» повторилась в квартире этажом выше. Опять же в полном соответствии с Законом сообщающихся сосудов. Теперь по соседям заметался второй жилец. Результат его метаний был ничтожен. «Да-да, конечно!..» – говорили верхние соседи, но глаза отводили, а унитазный гейзер продолжал исправно поставлять в квартиру несчастного содержимое расположенных выше канализационных труб. «Ах, так?!..» – закричал второй потерпевший и... не стал повторять «подвиг» своего предшественника. Вместо этого он направился в квартиру этажом ниже и, покаявшись в грехах, предложил капитану П. план совместных действий. Тот согласился почти без раздумий.

Первым делом «злоумышленники», вооружившись «болгаркой», перерезали магистральную фановую трубу в квартире на втором этаже и намертво её замуровали. А затем в четыре руки принялись пробивать засор.

Через несколько часов «всплыл» жилец на третьем этаже. Жильцом этим был подполковник Г. – командир подразделения, и проживавшие выше по стояку соседи, по счастливому для него стечению обстоятельств, были его подчинёнными. Посему призыв подполковника к «сдержанности» возымел действие.

Наступило воскресенье. Капитан П. со своим невольным союзником совместными усилиями наконец справились с засором, и унитазы их заработали с завидной бесперебойностью. Что не проскользнуло мимо чутких ушей верхних соседей. «Как так?» – озадачились они и пошли к соседям нижним. «А вот так! – ответили капитан П. с подельником – Хрен вам всем!..» – и злорадно расхохотались им в лицо. Бумеранг вернулся, и верхние жильцы со всей определённой испытанием на себе болезненность этого возвращения.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 10-13)

Ситуация перевернулась, как подтаявший снизу айсберг. Теперь уже жильцы верхних трёх этажей просили, требовали, угрожали. Счастливые обладатели исправной канализации были неумолимы. Дело осложнялось тем, что они вообще были военнослужащими другой части, и даже привлечение в перспективе к разрешению конфликта командования могло не привести к положительному результату. Более того, моральная правота оставалась на стороне нижних жильцов – они были изначально потерпевшей стороной, и этот козырь бил любую карту жильцов верхних в случае любого непредвзятого третейского спора.

Так оно в дальнейшем и оказалось. С понедельника начались большие учения. Командиры обеих частей были с головой завалены вопросами решения стоящих перед ними боевых задач и даже слушать не пожелали о каких-то там фановых трубах. Идите вы лесом! Разбирайтесь сами!

Однако разобраться самим не получалось. Вонь из квартир капитана П. и его компаньона ещё до конца не выветрилась, и они были суровы и непреклонны.

И тут «на сцене» появился Пахомыч. Явление одиозного сантехника было встречено жильцами верхних этажей как приход мессии. В их изболевших душах вновь начали набухать робкие бутоны надежды.

Но не похмелившийся с утра Пахомыч начал не с того. Первым делом он изматерил капитана П. и его подельника, чем сразу приобрёл в их лице своих злейших врагов. «А вот хрен и тебе!..» – дружно сказали Пахомычу компаньоны, а капитан П. добавил ещё и от себя лично пару «ласковых» слов, видать, во всех цветах и красках припомнив кошмарную ночь с пятницы на субботу. Разговора не получилось. Канализационные злоумышленники категорически отказались раскупоривать фановую трубу. Верхним жильцам надо было искать нестандартный выход из создавшейся тупиковой ситуации.

И Пахомыч его нашёл! Всё гениальное всегда отличается простотой, и Пахомыч свято исповедовал этот принцип. В торцевой, глухой, стене дома на уровне третьего этажа он изнутри пробил ломом отверстие, куда и вывел обрезанную фановую трубу. Более того, будучи в душе эстетом, Пахомыч снабдил этот вывод двухметровым выносом – он никак не мог допустить, чтобы отвратительные канализационные массы погнали белоснежную панельную стену дома. Проблема была решена. Жильцы верхних этажей щедро проставились Пахомычу и наконец вздохнули спокойно. Жизнь пошла своим чередом.

А под выносом фановой трубы начал расти ледяной конус. С каждым днём он становился всё выше и выше, и где-то через месяц уже превышал человеческий рост. Конус регулярно присыпался свежим снежком и выглядел, в целом, вполне эстетично. Единственным отличием его от всех остальных ледяных горок в округе было то, что с него никогда не катались дети.

Конечно, идиллия эта могла продолжаться (и продолжалась!), только пока на улице стояли морозы. И конечно, с приходом весны и тепла красивый «фановый» конус, как и весь окружающий лёд, подогреваемый горячим весенним солнышком, начал неумолимо таять.

Но это, как вы, наверное, понимаете, – уже совсем другая история...

Подробно рассказав о климате и об особенностях почвы в Орловке и её окрестностях, логично было бы перейти к рассказу о живом мире этих мест. То есть поговорить о флоре и, не побоюсь этого слова, о фауне.

Однако автор знает, что подавляющее большинство читателей таких описаний не любит. Автор и сам в этом отношении грешен – читая интересную книгу, он часто, в погоне за скоротечным сюжетом, просто пропускает пейзажные и жанровые зарисовки или максимум пробегает их глазами «наискосок».

Поэтому я не стану утомлять читателя описанием всего того, что он и так может увидеть, выглянув в окно или в крайнем случае выехав в ближайший лес. Я расскажу только о тех редких биологических видах, представители которых обитали в относительно ограниченной области распространения, то есть непосредственно в окрестностях Орловки. Шибко умный читатель, возможно, разглядел в последнем предложении классическое определение из учебника биологии за шестой класс и уже понимает, что речь в следующей главе пойдёт...

ОБ ЭНДЕМИКАХ

(продолжение следует)

Мария Черкасова

Мариэль и дельфин

СКАЗКА

Время бежит, дети растут. И Мариэль тоже повзрослела. Тяжёлая земная

болезнь не отступила от неё ни на шаг, а, наоборот – с каждым днём становилась всё тяжелее и тяжелее. Теперь Мариэль не могла ходить и руки её плохо слушались. Лишь иногда, во сне, она становилась такой, какой хотела быть наяву: здоровой, стройной, весёлой и счастливой, пела и танцевала. И почти всегда во сне рядом с ней был высокий симпатичный незнакомец. Но, проснувшись, Мариэль понимала, что это всего лишь сон, которому не суждено сбыться. Никогда. От этого ей становилось очень грустно и горько. Иногда Мариэль посещало вдохновение, и она писала стихи – о себе, своей жизни и о том незнакомце из снов.

И вот однажды в её любимом южном городе на море, где было, как в раю, они встретились. День стоял прекрасный. В высоком красавце Мариэль узнала незнакомца из снов. Они не могли расстаться друг с другом больше, чем на несколько часов. Юноша осыпал Мариэль цветами и подарками. Она не могла поверить своему счастью, боясь, что это всего лишь очередной сон, что она вот-вот проснётся и всё исчезнет. Но счастье всё длилось, а девушка не просыпалась!

Однажды, во время вечерней прогулки по берегу моря, юноша рассказал ей одну историю. Много лет назад жил в море маленький дельфин. Он дружил с маленькой русалочкой. Они весело проводили время. Но однажды русалочка куда-то пропала. Дельфин долго искал её по всем морям, но всё было напрасно... Потом он узнал от знакомой чайки, что русалочка живёт теперь среди людей. Он тоже решил стать человеком и во что бы то ни стало найти свою русалочку. Прошло много лет с тех пор, и он потерял было всякую надежду хоть когда-нибудь отыскать её, как вдруг встретил девушку, очень похожую на его русалочку.

- Эта девушка ты, Мариэль, - взглянул он на неё большими умными глазами.

И девушка вдруг поняла, что он и есть тот самый дельфин, с которым она в детстве дружила. Они молча глядели в глаза друг другу, а перед ними играло волнами их тёплое бескрайнее синее море.

Взгляды наши сошлись,
Мы с тобою нашлись.
Бьют сердца в унисон,
Это явь, а не сон.

- Я искал тебя долго!
- А я долго ждала!
- Думал я, всё без толку.
- Я надеждой жила.
- Я с тобой не расстанусь,
Я тебя не покину.
- Я русалкой останусь.
- А я стану дельфином.

Читатели, регулярно следящие за нашей газетой, в одном из номеров Светлячка уже видели сказку Марии Черкасовой под названием «Мариэль».

Сказка «Мариэль и дельфин», опубликованная в этом номере, по сути является её продолжением. Коротко напомним содержание первой части: добрая женщина, не имеющая детей, обнаружила купающуюся в реке Русалочку, которая очень хотела стать Человеком. Ради этого она терпела физическую и душевную боль.

• Байки на скамейке
МНОГОМЫСЛИЕ

– Да нет, твоя забывчивость не склерозом называется, по-другому. Я тоже думал, что у меня склероз. А недавно в церкви был, рассказал о своей забывчивости батюшке, а тот ответил: "Нет, сын мой, это у вас многомыслие". Это, похоже, и твой вариант, думаешь о многом сразу.

– Насчет многомыслия согласиться не могу, ибо с детства у меня в голове только одна мысль держалась. Пока её не додумаю до конца, про другую думать не могу. Очень даже удивляюсь, когда наблюдаю наших учителей в школе, которые сразу несколько мыслей думают.

– Хитришь, брат. Ты ведь тоже в школе работаешь, как там одну мысль думать?

– Какое там хитрю. Ну, вот, например, свою последнюю мысль думал три недели, а перед этим еще три недели собирался думать, так сказать, силы копил.

– Что же это за мысль такая? И куда её приспособить можно?

– Да приспособить-то приспособил, в журнал один послал. Приняли с удовольствием, напечатают скоро. В результате теперь неделю отчищаю газовую плиту, электрическую тоже кофеем загадил, чищу чайник, который сжег, и кастрюли со сковородами. Таков ущерб от моего думанья одной мысли. А если бы я над несколькими мыслями сразу думал, то, наверное, всю деревню бы спалил.

– Ну, твоя мысль дюже глубокая. А у меня маленькие, зато много: как от Нюрки заначку спрятать, чтоб, зараза, не нашла; как бы извернуться, чтобы соседу долг отдать попозже

или вообще не отдавать; и как у тебя сегодня на чекушку выпросить. Ведь брал уже, а отдать забыл. А ты думаешь, чего я тут с тобой философствую?

Алексей Глебов,
д. Волок

**ВНИМАНИЕ:
КОНКУРС!**

Этот забавный снимок натолкнул нас на мысль о новом конкурсе для Вас, уважаемые творцы.

Мы нередко произносим:

«**ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ**», подчёркивая несерьёзность отношений. А взгляните-ка на это фото, если дело касается настоящей моркови или настоящих чувств, смеем ли мы так заявлять?!

Итак, приглашаем вас пофантазировать на эту тему в стихах. Размер стихотворения может быть любым, правда надеемся, что поэм вы нам не пришлёте. Главное, чтобы было весело и интересно их читать.

Результаты конкурса будут подведены ровно через год, то есть в сентябре будущего года. Как раз после уборки урожая. Ваши работы в течение года будут публиковаться в литературно-краеведческой газете «Светлячок».

Итоги конкурса «**ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ**» будут опубликованы в октябрьском номере.

Ждём ваших работ! Не расслабляйтесь и не откладывайте напоследок! Вдохновились – пишите!

Работы желательно присылать в электронном варианте по адресу:

andkniga@andreapol.tver.ru

Если такой возможности нет, то присылайте рукописи по адресу:

**г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1
или приносите в районную библиотеку.**

ОРГКОМИТЕТ

